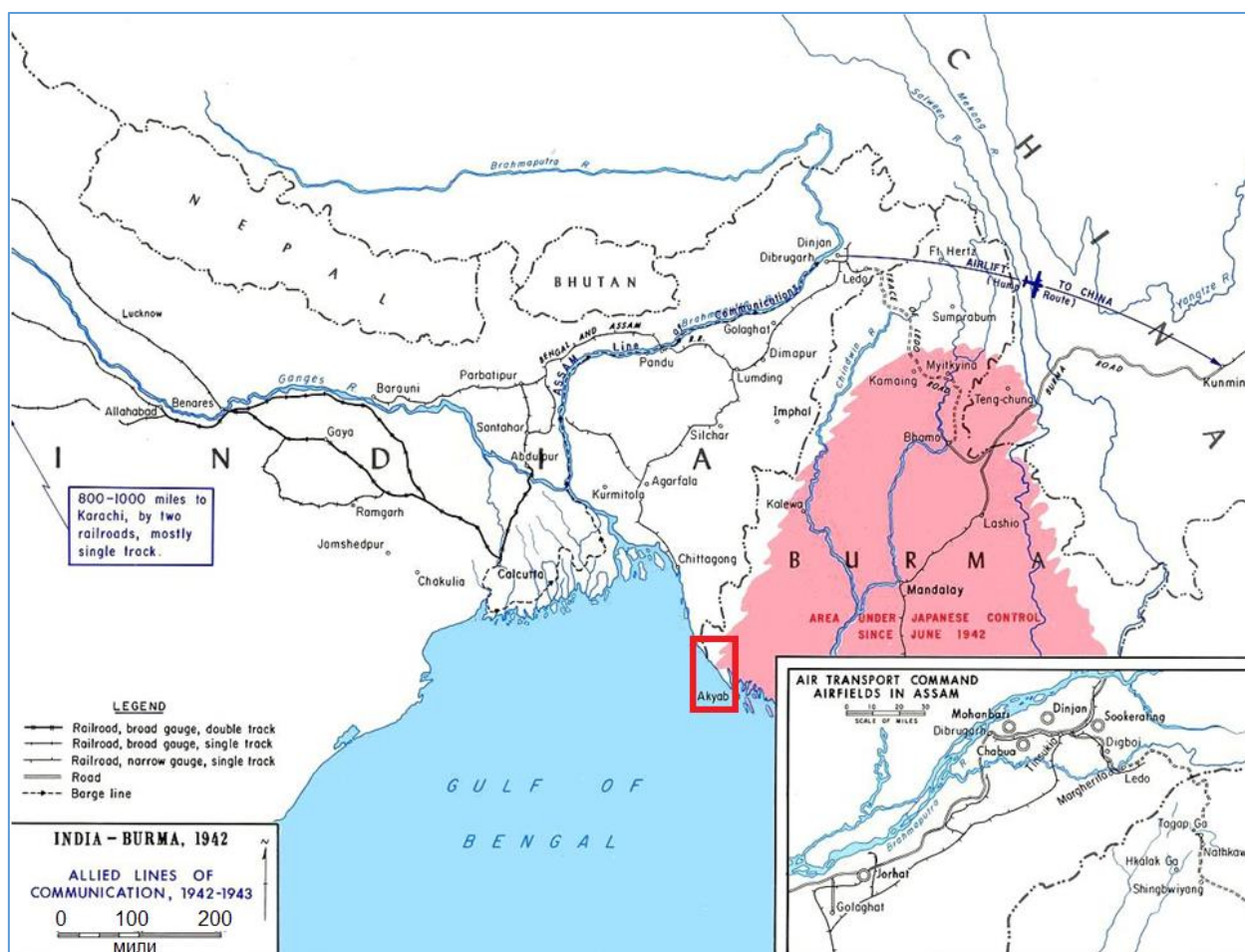

ПЕРВОЕ АРАКАНСКОЕ СРАЖЕНИЕ ДЕКАБРЬ 1942 – МАЙ 1943

Британские войска предприняли попытку наступления на западе оккупированной японцами Бирмы, но потерпели унизительное поражение от меньшей по численности группировки войск противника. Важнейшую роль в провале сыграли низкий уровень подготовки войск и отсутствие у них боевого настроя и воли к победе...

«Немногие места были менее подходящими для ведения военной кампании», — написал генерал Джеффри Эванс (Geoffrey Evans, 1901-1987) об Аракане. Причиной этого были не расстояния, а условия. Термин «Аракан» охватывает огромную территорию - от холмов Чина (Chin - один из штатов современной Мьянмы – ВК) на границе Манипура (индийский штат) до юго-западного угла Бирмы у мыса Неграйс/Negrais. Однако, как район боевых действий в 1942–1945 годах, рассматриваемая территория простиралась от индийской границы до острова и города Акьяб/Akyab.

Сопредельные части Индии, Бирмы и Китая в 1942 году после оккупации Бирмы японцами (подконтрольная им территория залита розовым цветом). Красным прямоугольником показан Араканский район боевых действий

Город Кокс-Базар/Сох-Вазар, расположенный сразу за границей (ныне – территория Бангладеш – ВК), находился в 120 милях к северу от Акьяба, а Читтагонг/Chittagong - порт

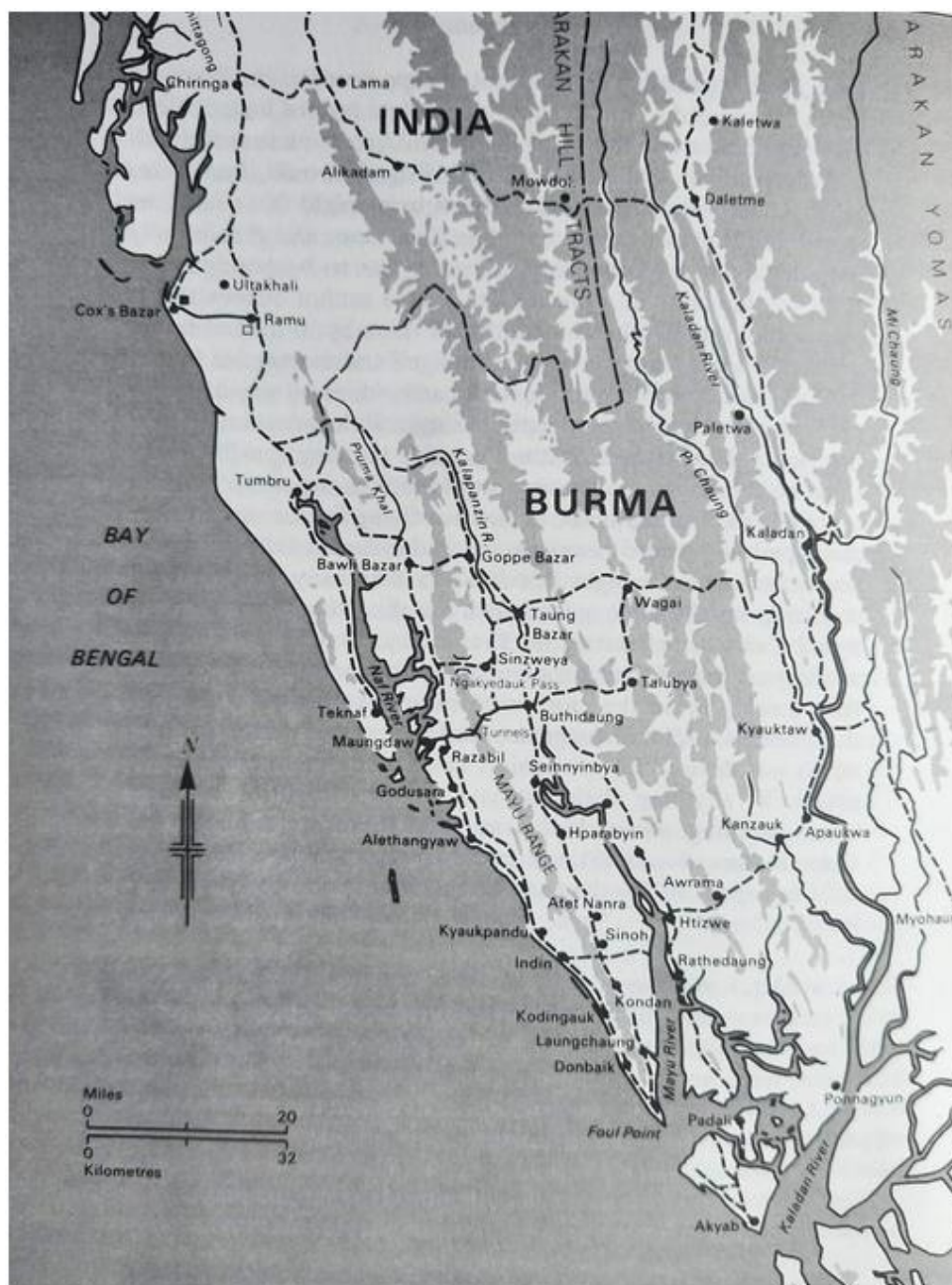
снабжения британских войск в Бенгальском заливе — ещё на сорок пять миль севернее. До Каладана/Kaladan на одноименной реке, которая течёт к югу западнее хребта Аракан-Йома (Arakan-Yomas – Араканские горы) и впадает в Бенгальский залив, было еще около шестидесяти пяти миль. Холмистая гряда Майю/Mayu, поднимающийся до высоты 2 000 футов, тянется от границы вдоль полуострова, заканчивающегося мысом Фоул-Пойнт/Foul-Point, прямо напротив острова Акьяб, имеет протяжённость около восьмидесяти миль. Расстояние от Фоул-Пойнта до города Акьяб — пятнадцать миль.

Таким образом, расстояния были не столь велики, однако условия ведения операций, напротив, были исключительно тяжелыми. Аракан — это край проток и небольших речек - *чаунгов/chaung*, где перевозки осуществляются главным образом по воде. Имелись тропы, но была лишь одна настоящая дорога в полном смысле этого слова: она проходила через хребет Майю от небольшого порта Маунгдо/Maungdo на реке Наф/Naf до города Бутидаунг/Butidaung на реке Калапанзин/Kalapanzin, на ее протяжении имелись два тоннеля. Холмы Майю покрыты густыми джунглями, а к западу от них тянется прибрежная полоса шириной две мили у Маунгдо и всего несколько сотен ярдов у Фоул-Пойнта. Побережье частично состоит из песчаных пляжей, частично — из мангровых болот, а некоторые *чаунги* подвержены приливам. В плоских долинах находятся небольшие холмы, покрытые деревьями *пипал/pipal* и бамбуком. Как бы ни были мрачны многие эпизоды боёв, пейзажи Аракана заставили [Сесила Битона](#) (Cecil Beaton) говорить о них почти поэтически, когда он увидел их в 1944 году: «Пейзаж здесь пасторальный: общий вид местности настолько пышный, лесистый и спокойный в ярком солнечном или лунном свете, что, несмотря на периодические глухие удары пушечных выстрелов, трудно поверить, что где-то рядом идет война не на жизнь, а на смерть.»

Лейтенант-коммандер Цуцуми Синдзо (Tsutsumi Sindo) был того же мнения. Он служил казначеем в подразделении, отвечавшем за оборону побережья от Акьяба до дельты Иравади, и любил Аракан: визжащих обезьян, перелетающих с ветки на ветку, великолепное оперение птиц, звук выстрелов своего ружья (в холмах водилась крупная дичь, даже тигры), который отдавался эхом и гулко разносился, пока не затихал в мягко укрытых лесом склонах. Если он смотрел в глубь страны в сумерках, то мог созерцать бесконечно уходящие вдаль волны гор, тянущиеся через всю Бирму к Индии или Китаю и исчезающие в пурпурном бархате тропической ночи. Если же он поворачивался на запад, он мог наблюдать темнеющее море и последний свет дня над Бенгальским заливом.

Здесь климат отличается резкими контрастами. В сухой сезон, или сезон боевых операций - с октября по май - жара не бывает удушающей, ночи могут быть прохладными, а по утрам часто стоит густой туман. Муссон полностью меняет эту картину. Прибрежная полоса Аракана, начиная чуть севернее Акьяба, на картах осадков окрашена в тёмно-пурпурный цвет: здесь выпадает до 200 дюймов дождя в год, и это парализует всё движение, кроме лодок на *чаунгах*. Район сильно заражён малярией и является настоящим раем для пиявок. Поэтому вести операции имело смысл только в сухой сезон. Возникает естественный вопрос: зачем было вообще вести здесь боевые действия?

Ответ заключается в Акьябе. Если столицу Бирмы, Рангун, когда-нибудь предстояло вновь занять, лучший путь к нему вел по морю через Бенгальский залив. Оставалась также мрачная перспектива повторного завоевания страны путем проведения сухопутных операций - вариант, который долго не воспринимался всерьёз, пока не стал почти неизбежным. Но в любом случае требовалось авиационное прикрытие для наступления на Рангун, и обеспечить его могли только аэродромы Акьяба. Самолёты, вылетающие оттуда, находились лишь немногим более чем в 330 милях от Рангуна, а в радиусе 250 миль находилась центральная Бирму - от Мандалая/Mandalay через Таунгу/Taunga до Хензадо/Henzado в дельте.

Полуостров Майю и сопредельные территории

Японцы прекрасно понимали это и 4 мая 1942 года продвинулись вплоть до Акьяба. Нельзя было исключать, что они могут пойти дальше — даже в Индию, — и британские войска, дислоцированные в Читтагонге, отступили на сто миль к северу, в Фени/Feni, оставив позади небольшой гарнизон, который должен был отойти, если японцы продвигнутся так далеко. В результате этого отхода портовые сооружения Читтагонга были уничтожены, и многие жители покинули город в поисках более безопасного места. Поэтому в сухой сезон 1942–1943 годов это было далеко не самое радостное место. Однако именно отсюда предстояло начать контрнаступление.

Соотношение сил

Главкомандующий британскими войсками в Индии [Арчибалд Уэйвелл](#) (Archibald Wavell) упразднил существовавшие в мирное время в Индии командования - Северное, Восточное и Южное и преобразовал их в армии, штабы которых должны были выполнять скорее оперативные, чем административные функции. Штаб Восточной Армии находился в

Ранчи/Ranchi, и она отвечала за Ассам/Assam, Бенгалию/Bengalia, Ориссу/Orissa и Бихар/Bihar, а также за отражение возможного японского вторжения вдоль побережья Аракана или, если на то пошло, через Бенгальский залив в район дельты реки Хугли/Hugly. В её составе было два корпуса: 4-й (70-я Британская и 23-я Индийская дивизии) и 14-й (14-я и 26-я индийские дивизии), а также бригада в Ассаме. На протяжении значительной части второй половины 1942 года угроза внутренней безопасности со стороны [партии Конгресса](#), инспирировавшей кампанию «Прочь из Индии», была серьезнее, чем угроза со стороны японцев. Поэтому 70-я Дивизия значительную часть времени действовала небольшими разрозненными отрядами, патрулируя беспокойные районы в интересах гражданских властей.

Однако Уэйвелл, который всегда недооценивал японцев, уже в апреле 1942 года начал планировать возвращение Бирмы, ещё до завершения длительного отступления. Удар на Акьяб казался очевидным выбором. В сектор фронта 4-го Корпуса летом должны были прибыть потрепанные остатки Бирманской Армии, а его деятельность предполагалось ограничить патрулированием и размещением беженцев или, по крайней мере, их отправкой подальше от фронта. Командующим корпусом был генерал-лейтенант Ноэл Ирвин (Noel Irwin, 1892-1972), который ранее командовал британскими силами во время неудачной [Дакарской операции](#) и встретил отступивших из Бирмы солдат далеко не приветливо. То, что люди прошли через настоящий кошмар, для него значения не имело. Он был убеждён, что они должны были отступить в более организованном порядке, и прямо сказал об этом их командирам. Одним из них был генерал-лейтенант [Уильям Слим](#) (William Slim), который 19 марта 1942 года, в разгар отступления, принял командование корпусом *Burcorps*. Слим знал, что люди, опередившие в ходе отступления в Индию боевые части, представляли собой сброд и при этом весьма сомнительный сброд. Вот что он вспоминал: «Это уже не были организованные части. Без снабжения, бросившие своих офицеров, они сбивались в банды, грабили, мародёрствовали и нередко убивали несчастных деревенских жителей на своём пути. Почти все они были индийцами, и лишь немногие из них принадлежали к армейским боевым формированиям».

В связи с этим становится понятным, почему реакция генерала Ирвина на появление этой толпы была негативной. Слим считал, что следовало отличать их от солдат, которые всё же вернулись в относительном порядке. Вместо этого Ирвин позволил себе грубость по отношению к нему. «Я никогда не думал, что офицер, под командование которого мне предстоит поступить, может быть настолько груб со мной,» - сказал Слим. «Я не груб, - ответил Ирвин. - Я [просто] старше по званию».

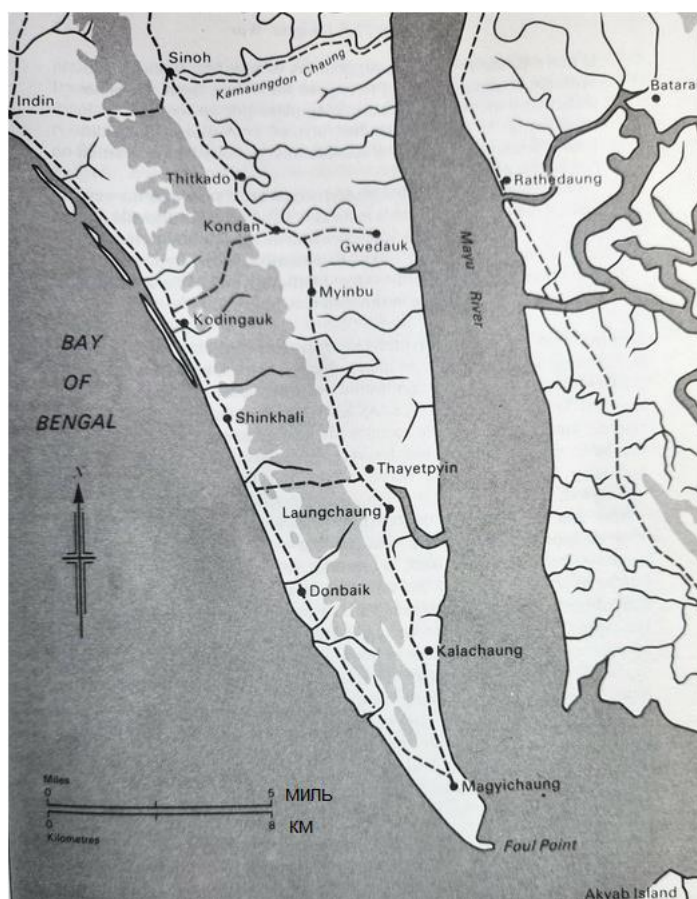
Биограф Слива, Рональд Льюин (Ronald Lewin, 1914-1984), признавая за Ирвином значительные интеллектуальные способности, тем не менее отмечает, что они были омрачены его «диктаторским и эгоцентричным характером». Ирвин относился к подчинённым «как к кули-подрядчикам, не заслуживающим ни доверия, ни внимания». Поскольку он не доверял никому, кроме самого себя, он был неспособен к децентрализации управления. Он постоянно стоял у своих командиров «над душой», вникая в мелкие детали операций и вмешиваясь, вместо того чтобы позволить им выполнять поставленные перед ними задачи. С другой стороны, справедливо отметить, что он был в тревожен тем же, что Уэйвелл или Слим. Все они были самым серьезным образом обеспокоены тем, что считали падением боевого духа своих войск перед лицом японцев.

В течение полутора лет между завершением японцами завоевания Бирмы и утверждением плана вторжения в штат Манипур было предпринято три основные попытки ослабить японское господство в Бирме. Одна из них имела место в Аракане - это были постоянно возобновлявшиеся попытки захватить Акьяб. Другая - строительство американцами дороги из Ледо/Ledo. Первоначально это была британская идея - пробить путь через перевал Пангсау/Pangsau и протянуть его дальше, чтобы использовать китайские войска, эвакуированные из Бирмы и переобученные в Индии. Эти войска должны были пробиться через Северную Бирму к Мьичине/Myitkina, после чего инженеры армии США должны

были построить по проложенному ими пути дорогу и нефтепровод. Третьей попыткой стала операция *Longcloth* в феврале 1943 года - первая экспедиция [чиндитов Орда Уингейта](#) (Orde Wingate) в тыл японских войск.

Акьяб на протяжении многих месяцев оставался главным объектом британских усилий. Он стал целью Ирвина после того, как тот был повышен в должности и переместился с поста командующего 4-м Корпусом до командующего Восточной Армией. Слим, которого Ирвин оскорбил в Имфхале/Imphal, занял позицию командующим 15-м корпусом (он передал командование *Burcorps* 20 мая 1942 года) и обнаружил, что перед ним стоит очередная импровизационная задача. Для защиты устьев (дельты) реки Хугли и огромной системы внутренних водных путей, известной как *Сундербаны/Sunderbans*, Слим сформировал флотилию из старых колесных пароходов, вооружённых пулемётами *Максим/Maxim*, горными пушками и несколькими противотанковыми двухфунтовками. Часть этого вооружения находилась в арсенале Калькутты ещё со времён [лорда Робертса](#) (Lord Roberts), и, возможно, к лучшему было то, что этой флотилии так и не пришлось вступить в бой с японскими боевыми кораблями.

Из числа дивизий, подконтрольных Слиму, 26-я была фактически статичной из-за отсутствия транспортных средств, и только 14-я Дивизия, дислоцированная у границы, была боеспособной. Именно это формирование должно было осуществить план Уэйвелла по захвату Акьяба - операцию *Cannibal*, или по крайней мере то, что от него осталось после отмены морской составляющей компонента, имевшей место 27 февраля 1942 года.

Карта полуострова Майю

В сентябре 1942 года Уэйвелл издал директиву о захвате Акьяба и северного сектора Аракана. 29-я Бригада, располагавшая десантными средствами и недавно участвовавшая в [высадке на Мадагаскаре](#), должна была стать главной ударной силой, а 14-я Дивизия должна была осуществить отвлекающую атаку со стороны суши. В конечном счёте 29-ю

Бригаду так и не удалось бросить в бой в нужное время, Десантные средства не могли быть подготовлены вовремя, имевшиеся силы авиационной поддержки оказались более малочисленными, чем ожидалась, и приказы претерпели изменения. Ирвин должен был захватить весь полуостров Майю силами только 14-й Дивизии, продвигаясь по суше. После достижения Фул-Пойнта дивизии предстояло переправиться через пролив, отделяющий его от острова Акьяб, и начать штурм. Операция должна была начаться 21 декабря 1942 года.

Штаб 14-го Корпуса Слима был почти полностью занят выполнением обязательств по поддержке сильно перегруженных гражданских властей. Ирвин не привлёк его к руководству действиями 14-й Дивизии. Это было серьёзной ошибкой, поскольку генерал-майор Уилфрид Ллойд (Wilfrid Lloyd, 1896-1944, погиб в результате несчастного случая во время учений в североафриканской пустыне), командир 14-й Дивизии, вскоре получил под своё командование девять бригад — соединение, втрое превышавшую по численности стандартную дивизию и нуждавшееся в командовании на уровне корпуса. В то же время обязанности Ирвина, который командовал британскими войсками на территории, простиравшейся от Калькутты до Форт-Херца/Fort Hertz в северной Бирме, были слишком обширными, чтобы он мог лично осуществлять оперативное руководство. Тем не менее именно это он и пытался делать. Штаб Слима был переведён из Барракпора/Barrakpore под Калькуттой в Ранчи в Бихаре, а Ирвин в августе 1942 года разместил штаб Восточной Армии в Барракпоре. Отсюда ему приходилось руководить не только операциями в Аракане и в секторе фронта Манипур – Чиндуин/Chindwin, но и реализацией инженерных проектов в Ледо, заниматься проблемой беженцев в Импахале и, что особенно важно для тропической зоны, модернизировать устаревшую и недостаточную развитую систему военных госпиталей. Всё это происходило на фоне гражданских волнений, во время которых для подавления мятежей были задействованы Королевские ВВС и почти шестьдесят пехотных батальонов.

Тем не менее дороги были для Ирвина столь же важны, как и всё остальное. 14-й Корпус должен был построить дорогу к югу от Читтагонга. 4-й Корпус строил двустороннюю дорогу от Димапура/Dimapur до Импахала и сезонную дорогу, пригодную для движения в сухую погоду, до Тиддима/Tiddim, а также ещё одну дорогу к Таму/Tamu и в долину Кабав/Kabaw. Был разработан амбициозный план превращения тропы Силчар/Silchar – Бишенпур/Bishenpur в современную дорогу, однако Ирвин отклонил его как нереализуемый по крайней мере в течение года, поскольку потребовалась бы новая трассировка. Поэтому эта дорога, по которой с трудом продвигались лишь джипы, была оставлена в прежнем виде. К концу прохладного сезона, в начале 1943 года, Ирвин планировал довести автомобильную дорогу до перевала Пангсау и продлить её дальше на юг до Шингбвианга/Shingbwiang. Было признано, что строительство дорог имеет приоритет над всем остальным — даже над боевыми действиями.

Однако он не ограничивался автомобильными дорогами. Ирвин был достаточно дальновиден, чтобы понимать: будущее войны в Бирме связано с транспортной авиацией. Он писал Уэйвеллу, предлагая мобилизовать все ресурсы Великобритании и США для производства транспортных самолётов, и ясно представлял себе путь, который вел к Мандалаю: «Если бы я мог одним броском преодолеть промежуток между Чиндуином и, скажем, Швебо/Shwebo, если бы я мог одним прыжком перебросить войска в район с относительно хорошими [транспортными] коммуникациями, где мы могли бы вести боевые действия как в сезон муссонов, так и в любой другой, пока не будет проложена автомобильная дорога для мототранспорта. Я понимаю, что для этого потребуется, вероятно, около 150 самолётов. Но до апреля ещё далеко, и я надеюсь, что к тому времени, возможно, целая армада транспортных самолётов придёт нам на помощь.»

«Я хотел бы дать вам больше транспортных самолётов, — ответил Уэйвелл, - но, похоже, у нас дома их вообще не производят, и мы полностью зависим от американцев, у которых они тоже, по-видимому, в дефиците. Во всяком случае, они производят для нас очень немного, и перспективы не обнадеживают». При таком множестве забот Ирвину не

следовало бы встречать в детали тактики пехотных батальонов генерала Ллойда, однако именно это и произошло.

До первой недели января 1943 года 14-й Дивизии Ллойда противостояли два батальона японской 33-й Дивизии, которая тогда отвечала за гарнизонную службу в Аракане. Эти два батальона находились под командованием полковника Мияваки Косукэ (Miyawaki Kosuke, 1894-1983), командира 213-го Полка, у которого также имелись батальон горной артиллерии, рота инженеров, полевые, зенитные и противотанковые орудия, батальон аэродромного обслуживания, подразделение связи, госпиталь линии коммуникаций, подразделения [кемпэйтай](#) и разведывательная группа организации *Hikari Kikan* (организация, занимавшаяся рекрутированием агентов из числа жителей Юго-Восточной Азии). Эта сводная группа была известна как Боевая Группа *Miyawaki* и насчитывала примерно 3 600 человек. Мияваки беспокоило отсутствие точной информации о направлении наступления и силах Ллойда, однако, поскольку под его командованием находились опытные части, которые воевали в Китае и участвовали в завоевании Бирмы, он не слишком тревожился о качестве противостоящих ему сил. Он знал — как и его солдаты — что британцы слабее китайцев.

Его батальон 2/213, которым командовал майор Чотаро Исагода (Chotaro Isagoda) находился в пятидесяти пяти милях севернее основных сил и 24 октября 1942 года занял Бутидаунг и Маунгдо. Эти два города располагались примерно в десяти милях друг от друга по разные стороны хребта Майю и соединялись дорогой, проложенной через горный хребет. Она проходила через два уже упомянутых тоннеля — Восточный и Западный — и служила для перевозки риса из богатых [аллювиальных](#) равнин Аракана. Это была хорошая дорога и, следовательно, важный стратегический объект. Поэтому батальон провёл пятьдесят дней - до 16 декабря 1942 года, укрепляя оборонительные позиции в окрестностях дороги и проводя рекогносцировку индийской границы. Ему также посчастливилось захватить британские карты этого района. Их немедленно отправили самолётом в Японию, где сделали копии, после чего копии были вновь доставлены в Аракан. В течение следующих двух лет японские операции в Аракане опирались на эти карты.

Questionnaire issued with Japanese Notes for Forward Units

Do you understand (English) (German) (French)?
(EIGO) (DOITSUGO) (FURANSUGO) GA WAKARIMASU KA?

2238

(英語) (ドイツ語) (フランス語) が分りますか?

Write it down (in English) (in roman script).
(EIGO DE) (ROMAJI DE) KAITE KURE.

(英語) (ローマ字) で書いてくれ.

What is your name?
NAMAE WA NAN DESU KA?

名前は何ですか?

4. What is your number?
BANGO WA NAN DESU-KA?

番号は何ですか?

What is your rank?
KAIKYŪ WA NAN DESU KA?

階級は何ですか?

6. What is your arm of service?
HEIKA WA NAN DESU KA?

兵科は何ですか?

What is your unit? Its number?
SHOZOKU BUTAI WA NAN DESU KA? NAN BAN DESU KA?

所属部隊は何ですか? 何番ですか?

What is your unit comd's name?
BUTAI CHŌ NO NAMAE WA NAN DESU KA?

部隊長の名前は何か?

Where is your unit now?
BUTAI WA IMA DOKO DESU KA?

部隊は今何處ですか?

Where is (Regt) (Bn) HQ?
(RENTAI) (DAITAI) HOMBŪ WA DOKO DESU KA?

(聯隊) (大隊) 本部は何處ですか?

Where is (Div:) (Div: Inf:) HQ?
(SHIDAN) (HOHEI-DAN) SHIREIBU WA DOKO DESU KA?

(師團) (歩兵團) 司令部は何處ですか?

Point it out on this (map) (sketch).
KONO (CHIZU) (YŌZU) NI SHIMESHITE KURE.

此の(地圖) (要圖) で示してくれ.

Небольшой разговорник для допроса японских военнопленных, выдаваемый передовым британским частям

Ллойд решил атаковать линию Бутидаунг-Маунгдо 2 декабря 1942 года, однако Ирвин приказал ему отложить наступление до тех пор, пока не улучшатся линии снабжения. С этим британцы продолжали испытывать проблемы. Грузы доставлялись по железной дороге только до Дохазари/Dohazari, расположенного в двадцати милях к югу от Читтагонга. К югу от Дохазари шоссе с твёрдым покрытием тянулось на десять миль, после чего превращалось в грунтовую дорогу шириной около четырёх футов (в дождливую погоду она становилась непроходимой). Автотранспорт ходил от Кокс-Базара до Умбу/Umbu, расположенного у истоков реки Наф, откуда грузы переправлялись вниз по реке до Текнафа/Текнаф у её устья. Для этого использовались сампаны, доставлявшие грузы в Бавли-Базар/Bawli и Текнаф, откуда их далее перемещали с использованием вьючных животных и носильщиков. Ллойд частично улучшил эту крайне ненадёжную схему, организовав доставку грузов морем в Кокс-Базар. Инженерам было приказано построить дорогу к Раму/Ramu и Кокс-Базару, и несмотря на нехватку местного камня к середине октября 1942 года она была готова — достаточно хорошая для вьючного транспорта и лёгких автомобилей. Но это всё равно напоминало ведение современной войны с использованием дорог каменного века.

Сильные дожди 7 декабря закрыли все дороги и остановили дорожные работы, поэтому Ллойд вновь отложил своё наступление, теперь до середины декабря. 17 декабря его войска начали движение. 123-я Бригада [командир – Артур Хэммонд (Arthur Hammond, 1892-1982)] должна была наступать на Ратедаунг/Ratedaung вдоль восточного берега реки Майю, в то время как 47-я Бригада [командир – Эрик Блейкер (Eric Blaker, 1897-1979)] двигалась на юг по полуострову к Фул-Пойнту: два батальона западнее хребта Майю и один батальон восточнее. В резерве в Читтагонге Ллойд оставил 55-ю Бригаду и знал, что для завершения операции сможет привлечь 6-ю Бригаду, имевшую пять моторных катеров, семьдесят два десантных судна и три колёсных парохода для переправы на остров Акьяб. Он также обладал практически полным господством в воздухе и значительным численным превосходством.

Японцы знали об этом и, чтобы избежать ненужных потерь, Мияваки 22 декабря отвёл батальон Исагоды с линии Бутидаунг-Маунгдо. Когда на следующий день к ней подошли части Ллойда, они обнаружили позицию пустой. Исагода отступил на восточную сторону хребта Майю, на линию Кондан/Kondan – Гведаук/Gwedauk, на противоположной стороне реки от Ратедаунга. Агенты из группы *V Force*, действовавшие в японском тылу, передали Ллойдю сильно завышенные сведения о японском присутствии в этом районе. По их данным, около 800 японцев находились в Кондане и строили оборонительные позиции. Воздушная разведка пыталась обнаружить эти позиции, но район Кондана был покрыт густыми джунглями, и ничего разглядеть не удалось. На самом деле там почти ничего и не было. Кондан занимал всего один взвод батальона майора Исагода численностью 50-60 человек. Когда Батальон 1/7 Раджпутанцев/Rajput Regiment сообщил, что его задержали японцы у Кондана, Ллойд воспринял это как подтверждение оценки агентов группы *V Force*. С другой стороны, не встретив ни одного японца, разведывательный патруль на бронетранспортёрах из 47-й Бригады дошёл до Фул-Пойнта.

Мияваки действовал под непосредственным командованием 15-й Армии, штаб которой находился в Рангуне. 3 января ему было приказано занять Донбайк/Donbaik и Ратедаунг в ожидании прибытия на той же неделе в Аракан 55-й Дивизии для принятия на себя обороны юго-западной Бирмы. Мияваки приказал батальону майора Исагода занять Ратедаунг и направить небольшой отряд для занятия Лаунгчаунга — деревни у устья реки Майю на западном берегу. Третий батальон под командованием майора Ито должен был направить одну роту на передовые позиции в Донбайке, а остальная часть батальона должна была стать гарнизоном в Акьяб. К закату 4 января 1943 года смешанная рота под командованием лейтенанта Ватанабэ Садао (Watanabe Sadao) заняла позиции. 5 января она вступила в бой с Батальоном 5/8 Пенджабского Полка/Punjab Regiment, и, хотя пенджабцы были отброшены, Ватанабэ был убит в бою, и его место занял младший лейтенант Асано Гэндзио (Asano Genjiro).

Японцы выдвинулись на позиции более чем в миле к северу от Донбайка вдоль рубежа, получившего название *F.D.L. Chaung* (Forward Defense Line/Передовая Линия Обороны) - естественной противотанковой оборонительной линии – речки с крутыми берегами высотой до девяти футов. Слева от роты находился Бенгальский залив, а справа — предгорья хребта Майю. Единственной слабой стороной позиции был приливно-отливной характер морского берега. Во время отлива люди и техника могли использовать твёрдый песок пляжа, и позиция могла быть обойдена с фланга.

На этом участке в течение пятидесяти дней японцы отражали одну атаку за другой, предпринимаемые батальонами 14-й Индийской Дивизии. Отчасти это объяснялось хорошим знанием территории, которым обладал Мияваки, в прошлом настаивавший на тщательной рекогносцировке местности вдоль хребта Майю и прибрежной равнины. Оборонительная позиция была выбрана идеально. Кроме того, японцы использовали оборонительную систему, с которой британцы раньше не сталкивались, главным образом потому, что до этого именно японцы чаще наступали. Речь шла о *бункерах*. Бункер представлял собой, по сути, пулемётное долговременное укрепление, построенное из природных материалов. В нём могли разместиться до двадцати человек; он либо

выкапывался в земле, либо, если уровень грунтовых вод был слишком высок, возводился на высоту до шести футов над землёй. Стены укрепления делались из брёвен и земли толщиной до пяти футов, а крыша была защищена от бомбардировок и артиллерийского обстрела. Многие бункеры выдерживали даже прямые попадания бомб и снарядов. Они располагались так, чтобы обеспечивать перекрёстный огонь между соседними бункерами. Пехота, пытавшаяся атаковать один из них, попадала под огонь двух или более других бункеров. На ранних этапах боёв в Аракане британские артиллеристы даже предполагали, что бункеры построены из бетона — настолько прочными казались их бревенчатые стены и крыши. Именно такие оборонительные сооружения вновь и вновь останавливали наступление Ллойда.

Японская листовка: женщина призывает солдата вернуться домой...

Солдаты Полка Королевских Иннискилингских Фузильеров/Royal Inniskilling Fusiliers из 47-й Бригады попытались взять Донбайк 7 января. Атака проводилась силами одной роты, но она провалилась. На следующий день была предпринята атака силами батальона — и она тоже не удалась. В следующие два дня, 8 и 9 января, *Иннискиллингцы* снова и снова бросались в атаку на защитников Донбайка, но каждый раз были вынуждены отступить, потеряв в общей сложности около 100 человек.

*Убитый солдат Иннискиллинского Полка (рисунок - Anthony Gross, 1905-1984,
участник событий)*

123-я Бригада также почти не добилась никакого продвижения на восточном берегу реки Майю. Бригадир Хэммонд отправил разведывательный патруль 10-го Батальона Ланкаширских Фузилеров/Lancashire Fusiliers, который в День Рождества вошёл в Ратедаунг и обнаружил его пустым. Он немедленно доложил об этом, и Хаммонд решил отправить дополнительные силы фузилеров по реке на судах к Хтизве/Htizwe, примерно в семи милях севернее Ратедаунга: остальную часть пути они могли легко пройти по дороге. Так и произошло: 28 декабря они прибыли в Ратедаунг, где были встречены пулемётным и миномётным огнём. На следующий день подошла остальная часть батальона, снова атаковала, но была отброшена с тяжёлыми потерями. 9 января самолёты Королевских ВВС бомбили и обстреливали японские позиции из пулемётов, к огневой подготовке также подключились две горные артиллерийские батареи, чтобы подготовить почву для новой атаки *Ланкаширцев*. Им удалось немного продвинуться вперёд, но к ночи их снова отбросили на исходные позиции. Затем был введён в бой резервный Батальон 1/15 *Пенджабцев* из бригады Блейкера, который занял высоту *Temple Hill* в нескольких сотнях ярдов к северу от Ратедаунга, но дальше продвинуться не смог. К 10 января британское наступление на обоих берегах реки Майю фактически остановилось.

10 января Уэйвелл и Ирвин прибыли к Ллойд с инспекцией. Ему было сказано, что крайне важно захватить позицию Донбайк. «Могу ли я получить танки для уничтожения бункеров?» — спросил он, и ему пообещали, что танки будут предоставлены. Однако Слим возразил, когда услышал, как именно планируется использовать танки. Это были танки *Валентайн/Valentine* из 50-й Танковой Бригады, входившей в состав 14-го Корпуса Слива. Командир бригады запротестовал, когда был запрошен лишь один танковый взвод. Он понимал риск использования танков малыми группами, и Слим поддержал его, исходя из принципа: «Чем больше сил применяешь, тем меньше теряешь». Когда Слиму указали, что фронт на полуострове Майю чрезвычайно узкий, он ответил, что даже на таком фронте можно развернуть целый танковый полк. Тем не менее его мнение было отклонено, и танки всё же отправили — в итоге половину Эскадрона С 146-го Танкового Полка. Капитан Джон Д'Коста (John D'Costa, 1916-1946) и командиры двух взводов — лейтенанты Кэри (Carey) и Торнтон (Thornton) — сразу после прибытия провели разведку позиции, и их вывод оказался вполне предсказуемым: у них было всего восемь танков, а для такой задачи - как и говорил Слим - требовался целый полк.

Ллойд назначил атаку на 1 февраля. 55-я Бригада [(командир – Хант (Hunt)], выдвинутая вперёд и поддержанная восемью танками и большей частью дивизионной артиллерии, должна была атаковать Донбайк, а 123-я Бригада через два дня должна была наступать на Ратедаунг. Танки должны были вступить в бой дважды: сначала продвинуться от предгорий вдоль *F.D.L. Chaung* к месту, называемому *Wooded Village*, и обратно, а затем поддержать Батальон 1/7 Полка Догра/Dogra Regiment, также продвигаясь вдоль *чаунга*, но южнее, в направлении к пункту *Wadi Junction*, а затем снова к предгорьям — к высоте, прозванной *South Knob*.

Торнтон довёл свой взвод до *чаунга*, затем повернул вправо и продолжил движение на запад, обстреливая японцев по мере продвижения. Однако головной танк попал в ров, как и два следовавших за ним. Чтобы прикрыть машины, была поставлена дымовая завеса. Танк Кэри также попал в ров, и когда его водитель пытался выбраться задним ходом, снаряд убил наводчика и ранил Кэри. Тем не менее все три танка вернулись к пляжу. Д'Коста повёл три танка вдоль пляжа, чтобы попытаться спасти взвод Торнтон, однако безуспешно: японские артиллерийские расчёты открыли по ним огонь и остановили их. В 1945 году, когда полуостров Майю уже был очищен от японцев, эти танки осмотрели и рядом с ними были обнаружены останки пяти погибших...

Раджпутанец, убитый под Ратедаунгом (Anthony Gross)

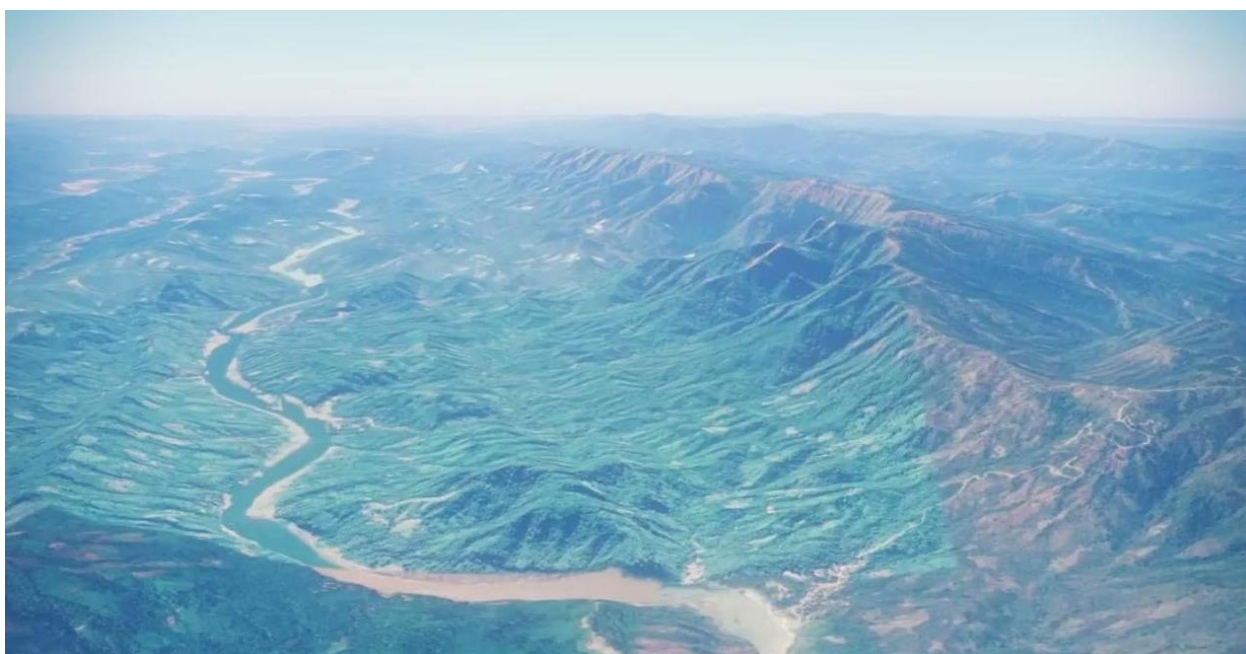
В Ратедаунге батальоны Хэммонда 3 февраля добились лишь небольшого успеха, но к концу дня ему пришлось отступить на две небольшие высоты – *West Hill* и *Temple Hill* к северу от города. Сам город оставался в руках японцев. Однако японцы вовсе не были удовлетворены своим успехом. Мияваки было приказано удерживать Донбайк и Ратедаунг до тех пор, пока их не сменит 55-я Дивизия генерала Такеси Кога (Takeshi Koga, 1892-1984), и он намеревался выполнить этот приказ. Но Кога, который 24 января прилетел в Акьяб со своим штабом, знал, что его дивизия полностью сосредоточится лишь к концу февраля, и даже тогда она будет иметь только две трети своей штатной численности: её 144-й Пехотный Полк численностью около 4300 человек был отправлен в Восточную Новую Гвинею как часть группировки *Nankai/Южные моря*, находившуюся под прямым командованием Императорской ставки. Когда Кога в конце 1942 года сменил генерала Хироси Такэути (Hiroshi Takeuchi, 1889-1952), дивизия уже не пользовалась столь высокой репутацией в глазах командования 15-й Армии в Рангуне, как её дивизии-сестры - 18-я и 33-я, участвовавшие в [первой Бирманской кампании](#). Начальник штаба был снят с должности, а командир 112-го Полка в марте 1942 года пережил нервный срыв из-за больших потерь в боях с британцами. Тем не менее её послужной список был довольно впечатляющим. Дивизия прошла почти 1 600 миль за примерно 160 дней и участвовала в боях на батальонном уровне около пятидесяти раз. Поэтому она была вполне уверена в своих силах.

Чтобы добраться до Аракана, её войскам предстояло пройти более 600 миль, пересечь хребет Аракан-Йома (высотой до 8 000 футов) и при этом избежать ударов союзной авиации. Генерал [Сёдзиро Иида](#) (Shōjirō Iida), командующий 15-й Армией, понимал, насколько тяжёлой может стать ситуация, и сообщил генералу Кога, что направит в Аракан ещё один батальон из 213-го Полка для соединения с группой Мияваки. Батальон 1/213 тогда находился в Пакокку/Pakokku. Ему было приказано взять с собой батарею горных пушек и двигаться к Палетве/Paletwa, расположенной в долине реки Каладан - в районе, где действовала группа *V Force*. Командование рассчитывало, что, если Мияваки сумеет сдержать Ллойда, то дивизия генерала Кога сможет сменить его к концу месяца.

Раджпутанцы на привале (Anthony Gross)

Неисправимый оптимист, по-прежнему убеждённый в том, что боевая мощь японцев сильно переоценена, Уэйвелл 7 марта 1943 года написал Ирвину, выразив уверенность в том, что тот сумеет справиться с угрозой, которая теперь, казалось, исходила от возможного глубокого рейда противника на линии коммуникаций со стороны долины Каладана: «Мощный удар на полуострове Майю и реальный успех здесь сделают больше, чем что-либо другое, чтобы улучшить положение. Я хотел бы закончить этот сезон боевых операций настоящим успехом, который покажет, как нашим собственным войскам, так и японцам, что мы способны и намерены быть хозяевами положения».

Вид с воздуха на долину реки Каладан

В тот же день, когда было высказано это пожелание, японцы атаковали в долине Каладана и позиции 123-й Бригады к северу от Ратедаунга. В течение недели ситуация стала настолько критической, что Ллойд перебросил 71-ю Бригаду с прибрежной равнины в долину реки Майю, чтобы помочь вывести два батальона из Ратедаунга. 1-й Батальон

Линкольнширского Полка/Lincolnshire Regiment из состава 71-й Бригады был оставлен вместе с 6-й Бригадой, которой также был передан в подчинение Батальон 5/8 Пенджабцев из 47-й Бригады. Таким образом, 6-я Бригада [командир Роналд Кавендиш - (Ronald Cavendish, 1896-1943, на фото слева)] насчитывала шесть батальонов и представляла собой очень мощное пехотное соединение. Ирвин приказал Ллойд использовать её для атаки на Донбайк 18 марта.

К тому времени он уже в резкой форме отклонил план атаки, предложенный Ллойдом, согласно которому 6-я Бригада должна была действовать на прибрежной равнине, а 71-я Бригада — зачищать высоты вплоть до осевой части хребта Майю. Ирвин считал, что атака 6-й Бригады потерпит неудачу, как и все предыдущие. Он предпочел в существенной мере концентрированный удар по ограниченной цели и сообщил Уэйвеллу о том, что разработал этот план после того, как провёл час на вершине холма, наблюдая за вражеской территорией, и осмотрел район расположения одного батальона. Однако он был недоволен тем, что ему пришлось этим заниматься:

Мысль о том, что приходится таким образом выполнять обязанности, которые должны надлежащим образом исполняться командирами дивизий, бригад и батальонов, просто возмутительна. Но не только в данном случае - после дня, проведенного мною на фронте у Ратедаунга, у меня не осталось сомнений, что наши находящиеся на относительно высоких должностях командиры исполняют свои обязанности крайне слабо, а также что многие из наших частей недостаточно обучены и, как бы неприятно это ни было признавать, лишены решительного настроения ... и я должен лично взять на себя ответственность за наши результаты.

Линия максимального продвижения британцев в направлении Ратедаунга (вне масштаба, скриншот документального фильма First Arakan Campaign – Pacific War)

Угроза со стороны долины Каладана вскоре стала реальностью. Японский батальон перешёл через перевал Кансаук/Kansauk и ударил в тыл 55-й Бригады у Хтизве к северу от Ратедаунга, вынудив её отступить за реку Майю. К моменту начала атаки на Донбайк 18

марта японцы уже контролировали большую часть восточной стороны долины реки Майю. 24 марта они форсировали саму реку Майю, а затем заняли и горный хребет, угрожая линиям снабжения всех сил Ллойда на полуострове Майю. Новый штурм Донбайка начали части Полка Даремской Легкой Пехоты/Durham Light Infantry и Полка Королевских Валлийских Фузильеров/Royal Welch Fusiliers после мощной артиллерийской подготовки в ранние утренние часы, в ходе чего по району *F.D.L. Chaung* было выпущено 140 тонн снарядов.

6-я Бригада уже не противостояла силам Мияваки. На участок боев прибыла и заняла позиции 55-я Дивизия генерала Кога, и оборона Донбайка теперь находилась под контролем 143-го пехотного полка полковника Такеси Уно (Takeshi Uno). Донбайк превратился в мощную крепость, и 6-я Бригада безуспешно расходовала свои силы в атаках на неё, потеряв около 300 человек, прежде чем наступление окончательно остановилось после того как Кавендиш предпринял ночную атаку.

На следующий день, 20 марта, Уэйвелл, Ирвин и Ллойд встретились в штабе 14-й дивизии. У каждого из них были свои личные заботы. Уэйвелла донимал митрополит Калькутты, писавший о борделях, а также тревожили сообщения о том, что патрули в секторе фронта 4-го Корпуса начали казнить деревенских старост и сжигать деревни в долине Чиндуина предположительно по подозрению в сотрудничестве с японцами. Ирвин был убеждён, что боевой настрой его солдат и офицеров падает; а Ллойд в феврале потерял дочь — она умерла дома, в Англии, — и всё ещё тяжело переживал эту утрату. Это была тяжёлая встреча, и её итогом стало фактическое признание поражения. Было решено не оставлять позиции до начала муссонов, однако занять *глубоко эшелонированные оборонительные позиции* в ходе подготовке к возможному отступлению на линию Маунгдо-Бутидаунг.

Ирвин по-прежнему был убеждён, что его метод концентрации пехоты на узких участках фронта с целью достижением подавляющего численного превосходства над противником был правильным. «Атака 6-й Бригады... очевидно провалилась потому — хотя местные командиры думают иначе — что за атакующими частями не следовало достаточное количество войск. По моему мнению, ошибка была не в ширине фронта, а в глубине построения,» - писал он Уэйвеллу 20 марта 1943 года. Уэйвелл ответил, что, по его мнению, единственный способ выбить японцев — это захватить весь полуостров Майю, контролируя устье реки и угрожая Акьябу. С другой стороны, Ллойд, казалось, увяз у Донбайка, и концентрация сил там могла привести к обходу его войск с востока. Уэйвелл не понимал, какую роль играют силы, расположенные к востоку от хребта Майю, и, хотя не видел лучшей альтернативы предложениям Ирвина, они ему не нравились. Японцам позволили перехватить инициативу, и он не видел, как её можно вернуть. Его раздражение из-за сложившегося тупика прорвалось в заключительном абзаце ответного послания, полном предложений:

Как вы, вероятно, понимаете, я был крайне разочарован атакой на Донбайк. Мне кажется, что она продемонстрировала полное отсутствие воображения, и это было ни то, ни сё. Атака на реальную глубину, проведённая полными решимости солдатами вроде 6-й Бригады, я уверен, принесла бы результат, хотя, возможно, это стоило бы нам потерь. Но использовать по одному батальону за раз, причём обычно вводя в бой лишь одну роту, — по-моему, это плохая тактика. Если японцы находятся в таком «кармане», я не могу поверить, что нельзя было разработать план их уничтожения: для меня это выглядело почти идеальной ситуацией для флангового огня пулемётов и миномётов.

Теперь я хотел бы увидеть, что можно сделать путём очень постепенного продвижения — шаг за шагом, проявляя понемногу воображение и изобретательность. Например, нельзя ли подтянуть 25-фунтовое орудие на дистанцию прямой наводки к ближайшему из этих опорных пунктов? Нельзя ли направить один-два истребителя на малой высоте над передовыми позициями японцев и, пользуясь шумом и отвлекающим эффектом, продвинуться вперед ночью? Есть ли возможность перегордить чаунг и

затем затопить японские позиции? Можем ли мы сосредоточить огонь, скажем, двадцати миномётов и части артиллерии по одному из их опорных пунктов, разбить его в щепки, а затем быстро переместить миномёты, чтобы избежать ответного огня? Мне также говорили о некоем виде фугаса — кажется, из смолы и бензина — предназначенном для борьбы с танками и способном поджечь практически всё: знаете ли вы или ваш главный инженер что-нибудь об этом? Мне сообщили, что некоторое количество таких средств имеется в районе Калькутты. Я не думаю, что японцам следует позволять удерживать такой «карман», как на этом участке фронта, без того, чтобы они понесли очень тяжёлые потери.

Через три дня, одобряя беспокоящие действия у Донбайка и надеясь «зачистить» этот район, если возможно, до начала муссонов, он выразил недоверие к Ллойдгу:

Я считаю, что нет смысла отдавать такой приказ, пока командует Ллойд, поскольку он, очевидно, сам в него не верит. Но если Ломакс (Cyril Lomax, 1893-1973) примет командование и после изучения положения решит, что это можно сделать, я вполне готов поддержать ещё одну попытку.

Предложение избавиться от Ллойда едва ли могло быть сформулировано яснее. Уэйвелл написал это всего через две недели после того, как Ирвин высказал о Ллойдге как положительные, так и отрицательные замечания:

В некотором отношении я был разочарован, потому что Ллойд не проявил той решительности в командовании, которую я ожидал, он скорее склонен ждать предложений или просьб от своих подчинённых командиров, чем навязывать им свою волю. Он недостаточно тщательно изучает представляемые им планы и не в полной мере контролирует детальное проведение операций — в значительной степени это объясняется огромными расстояниями. Я уже предупреждал его об этом.

С другой стороны, он взялся за решение колоссальной задачи, располагая весьма ограниченными ресурсами, которые я смог предоставить в его распоряжение, и, возможно, потому что вначале мы действовали слишком успешно или слишком стремительно, он теперь оказался в трудном положении с уставшими и в некоторой степени деморализованными войсками. Я считаю, что было бы ошибкой даже предлагать его замену в данный момент.

Правдой было то, что Ирвин был убеждён: японцев можно подавить численным превосходством на узком участке фронта — идея, как мы уже видели, чреватая большими потерями. Но Ллойд тоже придерживался этого мнения, что Слим обнаружил, когда Ирвин попросил его отправиться в Аракан и посетить Ллойда. Как командующий 14-м Корпусом, Слим счёл эту просьбу двусмысленной. Должен ли он взять с собой штаб корпуса, то есть принять командование? Нет, ответил Ирвин: штаб корпуса не нужен, от него не требуется принимать оперативное управление — только ознакомиться с ситуацией и доложить.

10 марта Слим прибыл в Маунгдо и посетил передовые бригады. Он сразу увидел, что штаб дивизии не справляется с управлением девятью бригадами, впрочем, он и до этого склонялся к такому мнению. Он также заметил, что боевой дух частей очень низок, что нервные солдаты расходуют много боеприпасов впустую, а план Ллойда по использованию 6-й Бригады кажется ошибочным. Ллойд объяснил, что вынужден проводить фронтальную атаку, поскольку у него нет кораблей для обхода вдоль побережья, а покрытый джунглями хребет Майю непроходим для обходящего манёвра. «Я сказал ему, - вспоминал Слим, — что, по моему мнению, он повторяет ошибку, которую многие из нас сделали в 1942 году, считая любой джунглевый район непроходимым, и что стоило бы предпринять серьёзную попытку провести бригаду — или хотя бы её часть — вдоль гребня хребта». Ллойд ответил, что уже тщательно обдумывал этот вариант, но пришёл к выводу, что он невыполним, и его командиры бригад с этим согласны. У Слива

не было полномочий отменять решение Ллойда, поэтому он просто вернулся и доложил обо всем Ирвину. Под давлением Уэйвелла, требовавшего новой атаки, и убедившись по словам офицеров на месте, что использовать хребет Майю невозможно, Ирвин принял решение Ллойда — с тем результатом, который мы уже видели.

Последней каплей стало то, что Ллойд, оказавшись под давлением в результате нового японского наступления, развивавшегося с востока, приказал 47-й Бригаде, изолированной продвижением японцев, соединиться с 6-й Бригадой на прибрежной равнине и отступить к северу. Это произошло 25 марта — менее чем через неделю после того, как Ирвин ясно дал понять, что до наступления муссонов, когда передвижение станет невозможным и для британцев, и для японцев, нельзя оставлять ни пяди земли. Ирвин отменил приказ Ллойда и 29 марта лично принял командование 14-й Дивизией, отправив Ллойда в Индию в отпуск. «Держаться любой ценой,» - приказал он 47-й Бригаде и отдал 4-й Бригаде (26-й дивизии) директиву установить с ней контакт.

Ломаксу было приказано отправляться на фронт, и он прибыл в Маунгдо, чтобы принять командование, ещё до прибытия своего штаба. 14-й Корпус Слима получил приказ быть готовым принять более высокий уровень командования в ходе сражения. Ирвин приказал Слиму развернуть штаб корпуса в Читтагонге, однако он не должен был принимать оперативное руководство, пока Ирвин не даст соответствующего приказа, и даже тогда ему не передавалось административное управление. Это решение Слим считал явно ошибочным, поскольку штаб корпуса мог бы снять с передовой дивизии значительную часть административной нагрузки и позволить ей сосредоточиться на боевых операциях.

Линия максимального продвижения британцев в направлении Донбайка (вне масштаба, скриншот документального фильма First Arakan Campaign – Pacific War)

Слим постарался разобраться в ситуации с обеих сторон: утром 5 апреля он встретился с Ирвином в Калькутте, куда его срочно отозвали из отпуска; в тот же вечер он ужинал с отстранённым от должности Ллойдом в клубе *Bengal*, нашёл его «совершенно лишённым горечи» и выслушал его версию событий. На следующий день он вылетел в Читтагонг, затем встретился с Ломаксом в передовом штабе дивизии и был очень впечатлён его

спокойствием и рассудительностью. Ему действительно понадобились все эти качества. В тот же день, когда Ирвин передал командование Ломаксу - 3 апреля, - части генерала Кога завершили свой марш через Аракан с востока, пересекли хребет Майю и вышли на прибрежную полосу. Они появились у Индина/Indin - через этот район отходила 6-я Бригада после неудачной попытки взять Донбайк. Наступавшая боевая группа была представлена 112-м Пехотный Полком под командованием полковника Танахаси (Tanahashi). Вот как он описал последующие события в своём донесении после возвращения в штаб 55-й Дивизии:

3 апреля моя колонна успешно перерезала дорогу на прибрежной полосе к северо-западу от Индина и постепенно усиливала удушающий охват: основной частью сил со стороны прибрежной дороги и остальными подразделениями со стороны предгорий хребта Майю. На рассвете 6 апреля мы ворвались в деревню Индин. Молниеносной атакой был захвачен штаб 6-й Бригады, и командир бригады, его адъютант и штаб — всего пять или шесть человек — сдались. Я допрашивал их через переводчика, когда вскоре после этого британцы обрушили на Индин мощный сосредоточенный артиллерийский огонь с севера и юга. Наша горная артиллерия на хребте Майю и артиллерия колонны [полковника] Уно начали обстреливать британские батареи, и район Индин превратился в настоящий котёл дыма и разрывов.

Моя колонна лишилась радиосвязи, я был ранен, и пять человек из штаба моего полка также получили ранения. В это же время бригадир Кавендиш и пять или шесть его солдат были убиты. Поскольку артиллерийский обстрел был чрезвычайно сильным, основная часть колонны оказалась прижата к земле в Индине и не могла атаковать британские и индийские войска, которые отходили на север по прибрежной дороге.

Новости о произошедшем достигли батальонов Даремской Легкой Пехоты в семь часов утра — ночью японцы атаковали *Королевских Шотландцев/Royal Scots* и штаб Кавендиша — и командование бригадой принял полковник Джон Теобалдс (John Teobalds, 1902-1944, на фото слева, погиб [в бою под Кохимой](#)) из числа *Даремцев*, старший по званию офицер в составе 6-й Бригады. Батальон *Даремцев* вошёл в Индин и обнаружил, что *Королевские Шотландцы* понесли тяжёлые потери, а японцы заняли позиции среди зарослей бамбука вокруг хижин, образывавших деревню Индин — это было единственное укрытие в этой местности.

Исполняющий обязанности командира приказал батальону отойти к Кьяукпанду/Куаукпанду, расположенному в трёх милях к северу у прибрежной дороги, где к пяти часам вечера части должны были сосредоточиться. Перед отходом они вызвали артиллерийский и миномётный огонь по позициям японцев, находившихся вокруг Индина и еще не успевших как следует окопаться. Японцы оказались перед выбором — погибнуть под артиллерийским огнём или быть расстрелянными при попытке отступить. Подразделения *Даремцев* нанесли тяжёлые потери колоннам Танахаси и Уно и снова вызвали огонь артиллерии, проходя мимо японских огневых позиций на хребте Майю во время отхода к Кьяукпанду.

Орудия снимали с передков и вели огонь дымовыми и фугасными снарядами, прикрывая отступающую пехоту. Японские батареи на холмах, казалось, стреляли с предельного расстояния, «так что снаряды устало падали на мокрый песок и медленно перекатывались через дорогу, по которой маршировали колонны». Однако 6-я Бригада была не единственной, оказавшейся в ловушке из-за наступления генерала Кога. Путь, ведущий из расположения 47-й Бригады на восток от хребта Майю, проходил через деревню Сино/Sinoh и далее к Индину. Когда 6-я Бригада начала отход, японцы оседлали эту дорогу и отрезали 47-ю Бригаду.

Бригадир Ричард Уимберли (Richard Wimberley, 1897-1986) на рассвете 6 апреля приказал своей бригаде двигаться по дороге к Индину. Обнаружив, что дальнейшее продвижение невозможно, он решил оставить дорогу и двигаться по пересечённой местности к деревне Квасон/Kwason, расположенной к югу от Индина, предполагая, что там находится 6-я Бригада. Вскоре стало ясно, что местность не позволяет бригаде двигаться единой колонной. Уимберли приказал бросить тяжёлое вооружение, включая трёхдюймовые миномёты, и поднялся на одну из высот, чтобы найти другой путь отхода. Однако разведывательный патруль сообщил ему, что японцы уже заняли Квасон. Тогда он разделил бригаду на небольшие группы и приказал им пробиваться назад самостоятельно. Большинство сумело это сделать и к 14 апреля соединилось с 6-й Бригадой. Но к этому времени они уже мало чем могли помочь Ломаксу, превратившись в дезорганизованную и плохо вооруженную массу. Как говорится в официальной истории, «как боевое соединение 47- Бригада временно перестала существовать». Выживших отправили обратно в Индию.

«Редко когда я был столь несчастлив на поле боя,» - так Слим вспоминал события той недели. - «Всё пошло не так - хуже и быть не могло - и нам нужно было очень постараться, чтобы избежать ещё худшего». Он всерьёз подумывал взять на себя тактическое командование и сделал бы это, если бы не был впечатлён тем, как командир 26-й Дивизии Ломакс справлялся с ситуацией: спокойно, уверенно и компетентно он перегруппировал свои тыловые бригады, чтобы прикрыть дорогу Маунгдо-Бутидаунг, и одновременно реорганизовывал разбитые передовые бригады. Слим и он видели, как катастрофа ещё больше подорвала и без того низкий боевой дух солдат и офицеров. Они рассчитывали на 6-ю Бригаду, которая понесла тяжёлые потери, но сохранила стойкость. Однако некоторые другие соединения проявили себя далеко не лучшим образом. Ирвин, всегда готовый к критике, был куда более конкретен. Он уже сообщил Уэйвеллу, насколько он недоволен некоторыми британскими частями в секторе 4-го Корпуса. В письме Уэйвеллу, отсылаясь о 17-й Дивизии, чей боевой дух он назвал «отличным», он тем не менее отметил, что у некоторых частей возникли «внутренние проблемы»:

Например, батальон Глостерцев/Gloucesters, по моему мнению, в целом хороший, но у них, как и у Йоркширцев (в тексте К.О.У.Л.И. - King's Own Yorkshire Light Infantry), есть несколько солдат, которых мы попросили перевести на другой театр военных действий — это самый худший тип негодяев. У Глостерцев также есть несколько старших офицеров, которые уже прослужили шесть лет за границей и подали прошение о возвращении на родину. По-моему, это свидетельствует о не слишком хорошем настроении в данный момент, но этим вопросом занимаются на месте.

После последнего провала его гнев обрушился на 47-ю Бригаду, и он резко осудил

... очевидную неспособность полка Иннискиллингцев сражаться. Я полагаю, что очень многие из тех, кто вышел из боя, сделали это без своего оружия, а один захваченный японский документ указывает, что британские войска на участке автора — а это мог быть только участок Иннискиллингцев — легко сдавались в плен. Я распорядюсь провести расследования по всем подобным случаям, включая потерю снаряжения, когда выведу войска 14-й Дивизии.

Он писал человеку, который разделял его серьёзную обеспокоенность относительно состояния войск. «Меня больше всего беспокоит моральное состояние как войск, так и (sic) Индии в целом», — писал Уэйвелл в письме Ирвину. Однако ни один из них, похоже, не был так обеспокоен судьбой бригадира Кавендиша, как судьбой документов, которые перевозил штаб его бригады. Потеря Кавендиша «и, по-видимому, папок с секретными документами и кодами 6-й Бригады» была одной из наиболее тревожных моментов во всей операции, что отмечал Ирвин, и Уэйвелл придерживался того же мнения. «Захват японцами штаба 6-й Бригады - крайне неприятное событие, поскольку, полагаю, это, вероятно, дало им весьма хорошее представление о нашем расположении и силах,» - написал он Ирвину.

Японцы рассматривали пленение Кавендиша как заметное событие. Сообщение об этом было немедленно передано в штаб дивизии, затем в Рангун, оттуда в штаб Южной Армии и далее — в Императорскую Главную ставку в Токио. В японской прессе сообщалось о «уничтожении шести вражеских бригад», причём называлась фантастическая цифра потерь - 20 000 человек.

Поэтому Кога был разочарован, когда Танахаси пришлось доложить о гибели Кавендиша во время артиллерийского обстрела. После этого начали распространяться неприятные слухи. В британской официальной истории лишь в сноске говорится, что «согласно японским сообщениям он был вскоре убит огнём британской артиллерии». Слим выражается немного конкретнее: «Бригадир Кавендиш был захвачен в плен, - пишет он, - но вскоре был убит либо своими конвоирами, либо нашим собственным артиллерийским огнём». Неуверенность Слива относительно того, как именно погиб Кавендиш, разделял и видный японский военный историк Такаги Тосиро (Takagi Toshiro). Его внимание к этому эпизоду привлекло сообщение о самоубийстве Танахаси в 1946 году после того, как того вызвали в в Токио, в Генеральный Штаб верховного главнокомандующего союзными силами. Сначала Такаги предположил, что Танахаси вызвали для расследования обстоятельств смерти Кавендиша по инициативе штаба Макартура — и, возможно, сам Танахаси так и думал. На самом деле его собирались лишь попросить поделиться тем, что он знал о войне в Бирме. Причины его самоубийства, вероятно, были сложными и могли включать чувство вины за неудачи в боях в Аракане в 1944 году. Книга Такаги *Senshi/Смерть в бою* (1967) оставляет у читателя такое чувство, что окончательный вывод так и не был сделан. Однако позже появились и другие свидетельства о смерти Кавендиша, включая рассказ японского военного врача Огава Тадахиро (Ogawa Tadahiro), который видел тело и подписал свидетельство о смерти. Огава в частных записках отметил, что очевидцев гибели не осталось в живых, однако по положению тела и по расположению тел японских солдат рядом с ним он пришёл к выводу, что Кавендиш погиб от осколков британского артиллерийского снаряда.

Именно такую версию сообщили автору этой книги, Луи Эллену, выжившие военнослужащие 112-го Полка в лагере *Payagu* в 1945 году, когда он допрашивал их об обстоятельствах смерти Кавендиша по просьбе тогдашнего главнокомандующего ВС союзников в Юго-Восточной Азии, генерал-лейтенанта Кристофера Майлза (Christopher Miles, 1896–1969), друга семьи Кавендишей.

20 апреля генерал Кога отдал приказ захватить Бутидаунг и Маунгдо. Наступление должно было начаться 24 апреля. Для этого он собирался использовать: группу Уно (143-й Пехотный Полк и Батальон 2/214-го Полка), Батальон Мацукихира (1/112), группу Мияваки (213-й Пехотный Полк), группу Танахаси (112-й Полк), а также дивизионную артиллерию.

Группе полковника Уно предстояла трудная задача — продвигаться на север вдоль хребта Майю. На протяжении всего пути её преследовали серьёзные проблемы со снабжением. У нее не было ни грузовиков, ни лошадей, и солдатам приходилось нести припасы на себе, силами отряда из группы Танахаси. Положение настолько тронуло полковника Уно, что он выразил свои чувства в стихах:

*Наши запасы пищи иссякли;
уже семь дней
мы грызем сердцевину
бананового дерева —
и идём в бой.*

В мрачном и опустевшем Читтагонге Слим пришёл к выводу, что следующий удар генерала Кога будет нацелен на линию Бутидаунг—Маунгдо и район *Тоннели*, и Ломакс согласился с этим. 6-я Бригада, недавно сильно потрепанная в боях с силами Уно и Танахаси, закрепились в предгорьях хребта Майю и на прибрежной полосе севернее. За ней Ломакс

держал в резерве вторую бригаду. Он был уверен, что Кога попытается наступать к востоку от хребта. Ломакс разработал для японцев своего рода ловушку — бокс, в который должны были войти атакующие силы и который затем должен был захлопнуться над ними.

Для осуществления этого плана были выделены шесть батальонов: два размещались на гребнях высот хребта Майю, два — вдоль реки Майю, ещё два — на холмах к югу от дороги Маунгдо - Бутидаунг, образуя «дно» ловушки. «Крышкой» должна была боевая группа численностью почти в бригаду, которая замкнула бы кольцо вокруг японцев, когда те углубятся в ловушку, направляясь к *Тоннелям*. Как позже заметил Слим, всё это звучало очень просто и даже геометрически правильно, но на деле он и Ломакс располагали уставшими частями, понёсшими к тому времени тяжёлые потери.

Уно двинулся на Бутидаунг и столкнулся с 55-й Бригадой у двух высот — 297 и 275, где разгорелся ожесточённый горный бой. 28 апреля к сражению подключилась авиация союзников, бомбившая и обстреливавшая колонну Уно с воздуха, что позволило 55-й Бригаде перейти в контратаку. Танахаси пришёл на помощь Уно, и высоты были вновь захвачены японцами. Уно продолжил наступление и 4 мая перерезал дорогу Бутидаунг—Маунгдо в точках *MS 27* и *MS 55*. Японское продвижение на север развивалось именно так, как предполагали Слим и Ломакс, однако план последнего провалился, потому что «дно» ловушки фактически рассыпалось: два батальона, занимавшие позиции на «дне» бокса, не удержались. 71-я Бригада выдвинула вперёд отряд из состава 10-го Батальона Ланкаширских Фузильеров, чтобы занять позиции на Высоту 551, господствующей над восточным тоннелем. Японцы начали наступление 2 мая и днём 3-го сбили *Ланкаширцев* с этой высоты.

5 мая Слим встретился с Ломаксом и разрешил ему, если это будет необходимо, пожертвовать Бутидаунгом, чтобы позволить 55-й Бригаде и частям к востоку от туннелей выйти из окружения; однако Маунгдо необходимо было удерживать. Японцы разрушили мост через реку (чаунг) Летведет в точке *MS 4*, что вынудило 55-ю Бригаду и 1-й Батальон *Линкольнширцев* уничтожить свои машины и ночью 6 мая отходить через пересечённую местность.

Через два дня Ломакс расположил свои силы вокруг Маунгдо, выполняя приказ Слима — а также Ирвина, который вновь подтвердил, что Маунгдо должен быть удержан. 8 мая появилась японская авиация, которая от отбомбилась по Маунгдо и Бавли Базару, заставив гражданских рабочих разбежаться. Группа Мияваки обошла холмы Моудок/Mowdok и к 9 мая оказалась восточнее Бутидаунга. Ловушка фактически рассыпалась. В 19.00 8 мая группа Уно двинулась на восток и заняла Бутидаунг — это была триумфальная победа, поскольку там находился штаб военной администрации Аракана. Батальон Мацукихира двинулся на север из Годусары и 14 мая занял Маунгдо.

Японцы на Араканском фронте...

«Это слишком напоминало 1942 год, - писал Слим, - только с добавлением горечи от того, что на этот раз мы были разбиты силами меньшими, чем наши собственные». Именно давление Слива — вопреки мнению Ирвина — позволило Ломаксу оставить Маунгдо. Осада города, удерживаемого не располагавшими необходимыми припасами войсками, которые, как он теперь был уверен, «нельзя было считать способными удержать что-либо», могла закончиться катастрофой. Несколько поспешному оставлению города способствовали сообщения агентов *V Force* о том, что японцы совершают обходной маневр, чтобы ударить с востока и сорвать организованное отступление. По всей видимости, удержать город всё равно было бы невозможно. Так, после нескольких месяцев тяжёлых и деморализующих боёв британские войска вернулись на те же позиции, с которых начали в октябре 1942 года.

В раздражённом послесловии к письму, отправленному Слиму, Ирвин подсчитал потери за неделю, закончившуюся 8 мая 1943 года:

В Аракане потери британцев и индийцев всех рангов составили: 10 убитых, 40 раненых и 3 пропавших без вести, и ради таких потерь 17 батальонов гоняются, возможно, всего за шестью, что является печальным, но реалистичным комментарием к нынешним боевым действиям.

Оценивая кампанию в целом, Слим не считал потери в людях слишком большими:

Наши реальные потери — убитыми, ранеными и пропавшими без вести — были невелики, около 2 500 человек, и, хотя мы не нанесли противнику столь же значительных потерь, он тоже пострадал.

Подсчёты Слива довольно точно совпали с официальными британскими данными: убитые - 916 человек, раненые - 2 889, пропавшие без вести - 1 252, итого: 5 057.

Однако эти данные сильно разошлись с японской статистикой, согласно которой потери британцев убитыми составили примерно 4 789 человек (эта цифра сопровождается выражением *iki shitai* — «брошенные тела»), пленными 483 человека, включая 3 офицеров. Собственные потери японцы оценили так: убитыми 611 человек, ранеными — 1 165 (около 30% участвовавших в боях солдат и офицеров).

«Главным приобретением этой кампании, — писал Уэйвелл в своём донесении, — стало знакомство с тактикой противника и осознание наших собственных недостатков в подготовке и организации. Серьёзная потеря заключалась в утрате престижа и морального духа. В целом я, безусловно, никогда не пожалею о том, что приказал начать эту кампанию, несмотря на нехватку ресурсов».

Слим выражался более конкретно. В письме Ирвину от 18 апреля 1943 года он написал о моральном состоянии войск следующее:

Все командиры бригад - Хопкинс (Hopkins), Лоутер (Lowther) и Кёртис (Curtis) - обеспокоены состоянием своих частей. Это самый серьёзный аспект всей операции. Если бы наши войска находились в первоклассной боевой форме и хорошем здоровье, нам было бы почти не о чем беспокоиться. Британцы устали и, как они говорят, «сыты по горло» операциями в Аракане в целом. Их здоровье ухудшается. Недавние дожди усилили распространение малярии, и три батальона и приданные части в составе 6-й Бригады сейчас ежедневно эвакуируют по 50 человек. В большинстве батальонов осталось немногим более 500 человек, в некоторых и того меньше.

Индийцы, за исключением 4-й Бригады, тоже устали, но у них проблема в ином - в более низком уровне физической подготовки, обучения и боевого духа солдат, особенно среди пополнений, прибывших уже в Аракан...

Я думаю, что войска — и британские, и индийские — в целом смогут хорошо проявить себя в бою ещё один раз, но в дальнейшем этого не будет. Что бы ни произошло в Аракане, крайне необходимо, чтобы высшее руководство занялось улучшением качества личного состава нашей пехоты и повышения её [боевой] устойчивости. Мы воюем против армии, в которой лучшие люди идут именно в пехоту, и мы не добьёмся серьёзного прогресса, пока не начнём идти по тому же пути.

Ирвин, что вполне естественно, был обеспокоен тем, чтобы вина за поражение не была окончательно возложена на высшее командование. Он признавал его вину, однако считал, что истинная причина лежит в другом, о чём он сообщил Уэйвеллу 8 мая в письме с пометкой «совершенно секретно и лично»:

Мы вскоре столкнёмся с трудной задачей — как объяснить потерю Бутидаунга и Маунгдо. С точки зрения общественного мнения, безусловно, именно командиры окажутся теми, кто будет отвечать за поражение. В действительности же, хотя командиры здесь были далеко не самые лучшие, причина, несомненно, заключается в неспособности войск вести бой.

После этого он составил ещё один совершенно секретный документ — *Заметки об армии в Индии и ее проблемах, связанных с операциями на индийско-бирманской границе*. В нём он утверждал:

Я могу сказать, что практически без исключения наш солдат в условиях джунглей не стоит и 50 % японского пехотинца... Именно поэтому я подчёркиваю абсолютную необходимость вводить войска в бой постепенно и осторожно. У меня есть отчёты о низком качестве войск, и я лично могу привести примеры действий, которые обычно рассматривались бы как «позорное поведение и трусость перед лицом врага». В операциях в Аракане это приняло такие масштабы, что не оставалось ничего другого, кроме как признать: уровень войск не соответствует поставленной задаче.

В первой половине мая, когда бои за дорогу Бутидаунг—Маунгдо достигли кульминации, из штаба Слима был направлен офицер связи. Он посетил 4-ю, 6-ю и 71-ю бригады и вынес следующее впечатление:

На основании личных наблюдений и бесед со старшими и младшими офицерами, подофицерами, солдатами и бежавшими из плена военнослужащими можно сделать вывод, что на этом участке фронта японский солдат — за заметным исключением артиллеристов — явно превосходил солдат, составлявших основную массу наших сил в этом районе. Особенно бросалось в глаза, что наши войска были либо изнурены, либо совершенно деморализованы, либо и то и другое одновременно, и что ни индийские, ни британские солдаты не испытывали особого желания продолжать кампанию. Индийские солдаты явно боялись японцев и в целом были деморализованы характером войны: густыми джунглями и возникающей из-за них «слепотой» передвижения, множеством ночных звуков, доносящихся из джунглей, страшными историями о жестокости японцев, подрывающим силы влиянием болезней и растущим списком неудач. Британские же солдаты также боялись джунглей, ненавидели эту страну и не видели смысла продолжать борьбу, и, кроме того у них крепнет ощущение, что они участвуют в забытой кампании, к которой никто из руководства не проявляет настоящего интереса.

Некоторые части, особенно Ланкаширские Фузилеры, находятся в боевых действиях с самого начала операций в октябре 1942 года, и они считают, что имеют право на

недовольство: большинство других частей уже сменили, а им приказали оставаться на месте. Прибывающие пополнения состояли главным образом из необученных людей, причём многие из них, по словам командира Ланкаширских фузилёров, никогда даже не видели пулемёта Bren/Vren.

Если подытожить ситуацию на уровне «солдат против солдата», то получается следующее: опытные и хорошо подготовленные японские войска сталкиваются с силой, которая, хотя и выглядит внушительно на бумаге, во многих случаях представляет собой нечто немногим лучшее, чем мобилизованную массу с неохотой пошедших на службу новобранцев. Этот ключевой фактор, особенно в условиях войны в джунглях, полностью сводит на нет наше расчетное численное преимущество 5 к 3.

Затем были приведены конкретные примеры:

- Батальон 8/13 Полка Приграничных Сил/Frontier Force не смог удержать *Высоту 551*, потому что ночью солдаты израсходовали все боеприпасы, стреляя на шум в темноте, и к утру у них ничего не осталось, поэтому им пришлось отступить.
- Сикхская рота того же батальона отказалась выполнять приказ: «во время самой атаки командир роты и его заместитель оказались на *Высоте 551*, тогда как их рота быстро двигалась в противоположном направлении».

Майор штаба 71-й Бригады рассказал ему, что нередко происходило следующее: британский офицер, командовавший патрулём, при угрозе столкновения с противником внезапно обнаруживал, что остался один — без своего патруля.

Моральное состояние напрямую связывалось с уровнем подготовки:

Особенно бросалось в глаза, что большинство командиров батальонов и штаб 26-й Дивизии почти не имели доверия к своим солдатам, и все без исключения считали, что причина заключается в их подготовке — вернее, в её отсутствии. То есть войска отправлялись на театр военных действий, к которому совершенно не были практически подготовлены, и при этом значительную их часть составляли почти необученные новобранцы.

В документах Ирвина имеются рапорта от 22 мая 1943 года, обозначенные как письма «молодого офицера связи с Араканского фронта». В них та же картина описывается ещё более откровенно. Прямота изложения и то, что это именно письмо, позволяют предположить, что его автором мог быть сын Ирвина — Энтони (автор нескольких книг о войне на Бирманском фронте), который некоторое время служил офицером связи в Аракане перед тем, как перейти в *V Force*.

Он писал:

Солдаты и офицеры, с которыми мне приходилось сталкиваться, - а это были передовые части и их командиры - были безвольными. То есть это единственное слово, которое я могу подобрать для их описания. Они были безразличными (sic), недисциплинированными, во многих случаях плохо обученными. В общем, им не хватало мужества. В качестве примера я могу снова привести историю о британском капрале, который сказал: «Не стреляйте, сэр, — они ведь будут стрелять в ответ».

...Я видел, что с теми, кто воюет в настоящий момент, добиться какого-либо успеха невозможно, а те, кто сидит дома в комфорте, знают о положении только по сухим строкам донесений. Что они знают о джунглях? И что они ответили бы, если бы им сказали, что британский солдат после некоторого времени боёв против японцев превращается в плохого и безвольного бойца? Что бы они сказали, если бы узнали о настроении людей, которых посылают сюда воевать? Они приходят с ненавистью к

тем, кто их сюда отправил. Они приходят, надеясь лишь на то, что когда-нибудь вернуться домой. И они приходят, молясь о том, чтобы им не пришлось сражаться. Таковы были солдаты вашей армии.

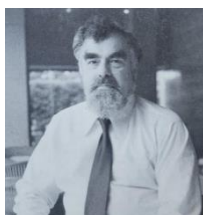
Из какого бы источника ни исходили эти сведения, печальная история поражения и его причины - сломленного морального духа - повторялась вновь и вновь. Армии, сражающейся в Бирме, безусловно, были необходимы дороги, оружие, воздушная поддержка и многое другое. Но больше всего ей требовалось мощный подъем боевого духа.

Эпилог

После завершения кампании генерал-лейтенант Ирвин попытался сместить Слива с позиции командующего 14-м Корпусом, но сам был снят с должности командующего Восточной Армией и вернулся в Великобританию. Его сменил генерал Джордж Джиффард (George Giffard, 1886-1964) – человек совершенно другого плана по сравнению с резким и жестким Ирвином. Он сконцентрировался на восстановлении боевого духа солдат и офицеров, улучшении их физического состояния и уровня подготовки.

Уэйвелл был назначен на пост вице-короля Индии, а генерал [Клод Окинлек](#) (Claude Auchinleck) стал главнокомандующим силами британцев в Индии. Командование Индийской Армии теперь полностью сконцентрировалось на боевых действиях в Бирме.

Источники

Louis Allen. Burma: The Longest War (2022)

Луи Эллен (1922-1991), владевший японским языком, в годы ВМВ служил в Юго-Восточной Азии в военной разведке. Он написал пять книг по истории войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В послевоенное время он преподавал французскую литературу, был литературным и театральным критиком, вел радио- и телепрограммы.

[https://en.wikipedia.org/wiki/Arakan_campaign_\(1942%E2%80%931943\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Arakan_campaign_(1942%E2%80%931943))

Сокращенный перевод и литературная обработка – Владимир Крупник с использованием ИИ

Возврат к главной странице www.warsstory.org